

ГЛАВА 6

Великое бедствие миновало, и люди, охваченные ликованием, праздновали победу. Опасность, хоть и была велика, прошла стороной, и горожане поспешили разойтись по домам, чтобы прийти в себя. Лу Энь не планировал задерживаться, однако Бай Цзинчэнь остановил его, предложив представить настоятелю храма Инцзюэ. Он намеревался устроить юношу в обитель в качестве мирянина-послушника. Фэй Мочоу, услышав об этом, несказанно обрадовалась — она видела в этом редкий шанс для брата выбиться в люди и заклинала его не упускать удачу.

Лу Энь порывался возразить, но, увидев ее глаза, полные слез радости, не смог вымолвить ни слова. Сестра призналась: если бы семья не жила в такой нужде, она бы, подобно второй сестре, мечтала учиться, но для нее это всегда оставалось лишь несбыточным сном. Теперь же, когда брату предлагают такое наставничество, медлить нельзя. Лу Энь почувствовал укол вины, понимая, сколько тягот она вынесла из-за него, и молча согласился. В конце концов, изучение магии пойдет ему только на пользу, а подобные возможности выпадают редко.

Обменявшись наставлениями и обещаниями, брат и сестра в сопровождении Бай Цзинчэня вошли в главный зал. Монахи уже заняли свои места согласно рангам, а впереди, в мягком кресле, восседал старик в серо-белой треугольной шапке. Седина выдавала его преклонный возраст; под тонкой, испещренной морщинами кожей проступали синеватые вены, но он смотрел живо и проникательно, пристально изучая вошедшего Лу Эня.

Бай Цзинчэнь сложил руки в приветственном жесте и поклонился.

— Приветствую великого настоятеля и почтенных мастеров.

— Ха-ха, господин Бай, так это о нем вы мне толковали? Хм, и впрямь, задатки добрые. Как твое имя, юноша?

— Фамилия Фэй, имя Юэлю.

— А рядом с тобой?..

— Моя сестра, Фэй Мочоу.

— Мочоу приветствует великих мастеров, — девушка склонилась в глубоком поклоне. — Я бесконечно признательна вам за то, что вы согласились принять моего младшего брата под свое попечение.

— Вы излишне церемонны, дитя. Господин Бай поведал мне, как этот юноша спас Тяньцзин. Мудрые и отважные люди заслуживают достойного наставничества, дабы в будущем они могли послужить на благо народа.

Слушая это, Мочоу сияла от счастья, а Лу Энь почтительно отозвался:

— Настоятель слишком добр ко мне.

— Фэй Юэлю, отныне ты — послушник храма Инцзюэ в двадцать седьмом колене. Твое монашеское имя будет Фэн И.

Опустившись на колени, Лу Энь совершил земной поклон.

— Ученик Фэн И приветствует учителя.

— Господин Бай, — обратился старик к министру, — на днях один прихожанин поднес нашему храму прекрасную картину, но на ней нет каллиграфии, что весьма прискорбно. Коль скоро сегодня такой день, не сообразовали ли вы явить нам свой талант?

Двое юных монахов развернули свиток. Перед глазами собравшихся предстала сцена в саду, выполненная в технике размытой туши. Маленький дворик, запертый в утренней дымке; тонкие ивы, склонившие ветви под морозящим дождем; трехэтажный павильон, чей богатый облик подернулся дымкой печали. Цветы в саду лишились своей яркой дерзости, представ в немом смирении, что придавало картине особое очарование.

— Дивная работа! — слышались одобрительные возгласы. Лу Энь тоже был очарован настроением картины. В его памяти невольно всплыли строки Оуяна Сю из «Дье Лянь Хуа».

«Двор затаился в глубокой тени — насколько же он глубок? Ивы окутаны дымкой тумана, занавесей не счесть... Кони в богатой упряжи мчат по дорогам гуляк, а с высоты павильона не разглядеть пути к веселым кварталам.

Буйствует ветер, хлещет косой дождь в конце затяжной весны. Сумерки плотно заперли двери — весну ничем не сдержать. Спрашиваю со слезами цветы, но цветы молчат. Лишь лепестки, кружась, улетают прочь, за качели...»

— Великолепно!

— Какое изящество слога!

— И подумать не мог, что Фэн И столь искусен в словесности. Не зря господин Бай выделил его среди прочих! — Настоятель смотрел на юношу с нескрываемым восторгом, словно нашел редкое сокровище.

— Это... — Лу Энь со смущением взглянул на Бай Цзинчэня.

Он лишь процитировал то, чему когда-то научился у приемного отца, поддавшись минутному порыву. К чему столько шума? Это же явное преувеличение!

Бай Цзинчэнь смотрел на него с нескрываемым удивлением и нарастающим интересом.

— Я и не знал, Юэлю, что ты столь талантлив. Признаю свое поражение — мне за тобой не угнаться.

«Только не это... Вышло недоразумение. Но раз уж сестра здесь, если я скажу, что автор — другой человек, меня быстро выведут на чистую воду. Эх, лучше бы я молчал!» — Лу Энь втайне досадовал на свою неосторожность.

— Быстрее! Принесите тушь! — настоятель взмахнул кистью и с воодушевлением запечатлел на свитке его «стихи».

Пока присутствующие наслаждались красотой строк, никто не заметил сложной гаммы чувств на лице Фэй Мочоу: потрясение, зависть и невольный страх сплелись воедино. Она не могла взять в толк, как ее младший брат, никогда не посещавший школу и слывший дурачком, вдруг заговорил столь складно. С того самого несчастного случая, вернувшего ему рассудок, она чувствовала в нем нечто чужое и угрожающее, и теперь это чувство наконец прорвалось наружу.

Она подняла глаза на Бай Цзинчэня. Его восхищение и желание разгадать тайну брата привели её в ярость. За те несколько дней, что она провела в его поместье, ей редко удавалось его увидеть — он был слишком занят государственными делами. Но при каждой встрече их разговоры неизменно сводились к Лу Эню. К тому же взбалмошная принцесса Линъюй не упускала случая язвительно напомнить ей о низком происхождении, высмеивая мечту «стать фениксом, взлетев на высококую ветку». Гнев и зависть пустили корни в сердце Мочоу.

«Если бы не обстоятельства, мешающие мне раскрыть правду... Будь я признана старшей принцессой Фэнтянь, эта мелкая девчонка склонилась бы передо мной в глубоком поклоне!»

Минуло три месяца. Высоко в ночном небе сияли две луны.

Две? Да, именно две. Большая и малая: одна ослепительно-белая, точно яшмовый диск, другая — багровая, напоминающая глаз демона. С марта это явление длится около двух с половиной месяцев; когда маленькая кровавая луна опишет полный круг вокруг своей белой сестры, она исчезнет, знаменуя начало сезона дождей.

Все это время Лу Энь жил в храме Инцзюэ. Его будни были суровы: утро уходило на медитации и обучение, а вторая половина дня — на тяжелый труд. Он таскал воду, рубил дрова, стирал и

подметал, не зная отдыха. К вечеру ныла спина и дрожали колени — для его хрупкого, не привыкшего к нагрузкам тела это был сущий ад. Он не раз проклинал Бай Цзинчэня за это «благоддеяние», а его кожа, едва успевшая посветлеть, вновь потемнела под беспощадным солнцем.

Стоило ему добраться до постели, как он мгновенно проваливался в сон, надеясь хоть в грезах вернуться в свой прежний мир...

«Где я?»

Вокруг высились обгоревшие руины — зловещее пепелище, оставшееся после страшного пожара. Это место казалось пугающе знакомым. Лу Энь невольно сделал шаг вперед.

Хруст.

Он на что-то наступил. Доска? Нет, вывеска. Откинув ногой мусор и пепел, он замер. На обугленном дереве отчетливо читались иероглифы: «Башня Радости».

«Башня Радости?! Быть не может! Перед тем как подняться на Ланьшань, всё было в порядке!»

Хоть он три месяца не спускался с горы, Е и Ляо время от времени тайно навещали его. Что же случилось? Где Лэн Циннин, где стражи? Лу Энь бросился вглубь руин, надеясь отыскать хоть какую-то зацепку, не желая верить, что их обитель стерта с лица земли.

— Лэн Циннин! Е! Ляо! Где вы?!

За спиной раздался безумный хохот. Обернувшись, Лу Энь застыл от ужаса.

— Сестра?!

Лицо Фэй Мочоу исказила жуткая гримаса, она смотрела с безумием и ненавистью. Размахивая факелом, она задыхалась от смеха.

— Ха-ха! Наконец-то... Те, кто стоял у меня на пути, исчезли! Гори, гори ясно! — Она швырнула факел на вывеску, и пламя мгновенно взметнулось к небу.

— Нет! Сестра, ты хоть понимаешь, что творишь?

Он попытался схватить ее за руку, но его пальцы прошли сквозь нее. Душа снова покинула тело? Или это лишь кошмар?

Мочоу впиалась в него злобным взглядом, парализуя волю.

— Почему... почему ты всё еще топчешь эту землю? Если бы не ты, я бы уже жила в роскоши и покое. Мой милый, мой ненавистный братец, отчего ты не сдох тогда? Ты лишил меня всего, ты украл его взгляд...

«Она безумна!» — Лу Энь с содроганием смотрел на ту, что когда-то считал близким человеком.

— Больно? Я заставлю тебя страдать в тысячу крат сильнее! Я не отдам его тебе, тебе никогда меня не победить! Ха-ха-ха!

Языки пламени за ее спиной извивались, точно щупальца монстра, готовые поглотить мир. В отсветах пожара она сама казалась выходцем из преисподней.

— Сестра... — Лу Энь с болью смотрел на нее. Это была не та Мочоу, которую он знал. — Хватит... Проклятье! Если это сон, пусть я скорее проснусь! Пожалуйста, пусть это будет неправдой!

Он кричал во весь голос, но огонь продолжал пожирать всё вокруг. Обезумевшая женщина, сжимая в руке клинок, с яростным криком бросилась на него.

Лу Энь в холодном поту подскочил на постели. Его резкое движение разбудило соседей-монахов. Видя его бледное лицо и сбивчивое дыхание, они поспешили на помощь.

— Фэн И, что с тобой? Занемог? — спросил шестой старший брат, Фэнчжэнь. Несмотря на свирепый вид, он был добрейшей души человеком.

— Ты весь дрожишь, — обеспокоенно добавил Фэнлинь, седьмой брат. Он немного смыслил в медицине и тут же проверил пульс Лу Эня. — Похоже на сильный испуг, но здоровью ничего не угрожает.

— Младший брат, неужто кошмар привиделся? — добродушно усмехнулись остальные.

— Ха-ха, раз нашего смельчака так перекошило, сон и впрямь был жутким.

По залу пронесся легкий смех, но Лу Энь всё еще не мог прийти в себя.

«Это был сон... Слава богу».

Тень того видения была слишком реальной. Если это сбудется, он не будет знать, как смотреть

ей в глаза.

Фэнлинь строго глянул на остальных:

— Хватит зубоскалить, живо по койкам! Завтра на рассвете тренировка, опоздаете — пеняйте на себя!

Монахи мигом утихомирились и разбрелись по местам.

— Ты как, в порядке?

Лу Энь кивнул:

— Спасибо, брат Фэнлинь.

Тот, будучи старше на шесть лет, ласково потрепал его по голове:

— Мы же братья, к чему церемонии? Моя сестренка тоже вечно вскакивает по ночам, а наутро носится как ни в чем не бывало. Говорят, сны — это всё наоборот, так что не бери в голову.

— Точно, — вставил Фэнчжэнь. — Моя матушка говаривала, что кошмары — признак роста. Скоро седьмое октября, тебе минет девятнадцать. Послушникам в этот срок положено приносить «обет вступления», а это, считай, посвящение в мужчины.

Лу Энь благодарно улыбнулся. Тепло этих простых слов согрело его сердце. В этом мире, полном загадок и опасностей, он встретил немало добрых людей. Жизнь здесь была иной, но она не была плохой.

«Великий Господь... кажется, я начинаю привыкать к этому месту. К этому таинственному, неизведанному и опасному миру... Я буду жить».

— Ой-ой, так вот как выглядит перерождение Клар! Милovidный? Пожалуй. Но до прежней красоты ему далеко.

Возле кровати спящего Лу Эня бесшумно возникла фигура ослепительной красоты. Серебристые волосы переливались мягким светом, в его фиалково-лазурных глазах светилось лукавство. Тонкие алые губы, кожа белее снега, облик, исполненный неземной грации... Если бы не плоская грудь, его легко можно было принять за женщину.

— Господин Юйшэнь, он еще юн. Со временем его истинная природа проявится, — отозвался попугай с красным клювом и изумрудным оперением, сидевший на плече красавца.

Это была не простая птица, а создание, наделенное жизнью самим богом. Его хозяин — Юйшэнь, единственный сын Великого Бога, хранитель законов мироздания, чья мощь была способна уничтожить миры в мгновение ока.

— Хм, я лишь хочу, чтобы он был счастлив. В прошлой жизни его судьба была слишком горькой, — бог коснулся щеки спящего белой рукой. — Впереди тебя ждут новые испытания — плата за грехи минувшего. Сны — лишь тени будущего, и только в твоих силах изменить их ход.

Он повернулся к попугаю:

— Отныне ты будешь служить ему.

— Как? Господин Юйшэнь, вы прогоняете меня? — птица в отчаянии захлопала крыльями.

— Он — твой истинный хозяин. Твой долг — повиноваться и защищать Фэй Юэлю. Я вел тебя сквозь потоки времени этого мира, чтобы ты набрался мудрости и стал ему опорой. Пришел срок вернуться к нему. — Он ласково коснулся головы птицы. — Не печалься, он тебя не обидит. Кто знает, быть может, когда-нибудь ты сам поблагодаришь меня за это.

— Господин... — В янтарных глазах попугая застыли слезы. Он потерся о плечо бога, выражая преданность и скорбь разлуки. Для маленькой божественной птицы близость к столь высокому существу была высшей милостью, и ей следовало быть благодарной за каждый миг, проведенный рядом.

— Прощай, малыш.

Силуэт бога медленно растаял в воздухе. Попугай, роняя слезы, остался в тишине.

Новичкам вроде Лу Эня не полагалось участвовать в утренних тренировках в первые четыре месяца. Его уделом была кухня. Случилось так, что однажды ночью, терзаемый голодом, он сам приготовил себе ужин, аромат которого привлек проголодавшихся братьев. За пару дней слава о его кулинарном мастерстве разнеслась по всему храму. Теперь монахи охотно помогали ему в делах, лишь бы получить порцию его стряпни. И это было спасением — его тело всё еще плохо справлялось с тяжелой работой.

Закончив таскать воду, Лу Энь разминал затекшие плечи, направляясь к залу для занятий. Основы важны, но бесконечное повторение азов наводило скуку. Он надеялся, что сегодня им покажут нечто новое.

— Фэй Юэлю.

Кто это? Лу Энь остановился и огляделся. Никого.

— Фэй Юэлю, я здесь.

Он поднял взгляд. На ветке дерева сидел попугай. «Послышалось», — подумал Лу Энь и уже собрался уходить.

— Да постой же ты! Я к тебе обращаюсь!

Лу Энь замер. Птица хлопала крыльями, в ее янтарных глазах читалось нетерпение. Может, убежать? Неужели попугаи в этом мире обладают разумом?

Птица, не дождавшись реакции, слетела вниз.

— Я — божественная птица, посланная господином Юйшэнем. Мое имя должен дать ты, мой господин.

«Юйшэнь? Божественная птица?» Лу Энь долго разглядывал незваного гостя, пока не сдался под его честным взглядом.

— Ладно. Допустим, тебя послал бог, но всё это как-то... внезапно.

— Дерзость! Господин Юйшэнь — дитя Великого Бога, чистейшая сущность! Не смей проявлять неуважение!

Лу Энь посерьезнел. Приложив правую руку к сердцу, он склонился в извинении:

— Прошу простить мою грубость. Теперь я верю тебе и приношу извинения за свое невежество перед лицом почтенного бога. — Название «Юйшэнь» казалось ему смутно знакомым. — Были ли какие-то наставления от господина?

— Нет. Он лишь желает, чтобы ты следовал зову сердца. Мой долг — помогать тебе и оберегать. Я много знаю об этом мире, так что спрашивай, если что. — Голос птицы звенел от восторга. — Скорее, дай мне имя, как даешь имена призванным существам! Господин наделил меня даром исцеления, способностью перемещаться в пространстве и невидимостью. Обычно я буду скрыт от глаз, но, получив имя, ты всегда будешь чувствовать мою близость.

«Благодарю за милость, великий бог». Лу Энь вознес краткую молитву и задумался.

— Как насчет имени Цуйфэн? — Ему нравилось это ярко-зеленое оперение, чистое и глубокое, словно воды лесного озера.

— Цуйфэн... Да, мне нравится!

Перья птицы на миг вспыхнули радужным сиянием — обряд наречения истинным именем завершился.

— Мой господин. — Цуйфэн радостно опустил на плечо Лу Эня, ластясь к нему.

— Ха-ха, щекотно... — Мягкие перья коснулись щеки.

— Господин мой... — Цуйфэн вел себя как ребенок, ищущий ласки, и это пробудило в душе Лу Эня старые воспоминания.

Когда-то у него был приемный отец, любивший его больше жизни. В детстве Лу Энь тоже любил попросить у него ласки... Но отца больше нет. Тот, прежний «я», мертв, а нынешний — лишь тень в чужом теле. Глубокая тоска отразилась в глазах юноши.

— Господин, этот мир — ваш истинный дом, не печальтесь, — Цуйфэн вспорхнул, пытаясь утешить его. — Судьбы миров предначертаны, и хотя люди малы, среди них есть те, чье будущее меняет всё. Их зовут «Детьми Богов». Вам суждено было вернуться и исполнить великую миссию. Иначе почему Огненный Феникс признал вас своим господином? Это воля Великого Бога — дать вам силы завершить начатое в прошлой жизни.

— Да, я понимаю. — Как мастер магии, Лу Энь знал цену слову «миссия». Отец всегда учил его нести это бремя с честью.

— Господин, бог не желает вам зла...

— Брат Фэн И! Скоро начало, ты что там застрял? — Из галереи выглянул один из монахов. Похоже, он не видел Цуйфэна.

— Уже иду! — Лу Энь велел птице скрыться и поспешил к залу.

Тоска и одиночество еще посещали его, но этот мир больше не казался ему враждебным. В словах бога не говорилось о самой миссии — лишь призыв идти своим путем. Лу Энь интуитивно чувствовал: ключ к разгадке кроется в Фидарише... его любви из прошлой жизни.

«Любовь...»

Он не знал, страшится ли он этой встречи или жаждет ее. Скорее, и то, и другое.

— Фэн И! Фэн И!!

— А?! Простите, мастер Мяоюй, я задумался.

Настоятель Мяоюй недовольно постучал линейкой по столу, предостерегая ученика. Остальные монахи, пришедшие в храм раньше него, вовсю наслаждались зрелищем.

— На занятиях нужна предельная сосредоточенность. Хочешь стать мастером — учись направлять волю, иначе не сможешь ни начертать свиток, ни пробудить заклятие. — Он оглядел класс. — Коль ты здесь недавно, прощаю на первый раз. А теперь — назови классификацию талисманов.

— Слушаюсь. — Лу Энь встал и четко произнес заученное накануне: — Мир зиждется на пяти стихиях, и талисманы следуют им. Металл призывает гром и молнии, Дерево создает иллюзии и дает контроль, Вода направляет потоки и исцеляет раны, Огонь извергает пламя для изгнания нечисти, Земля же дарует невидимость. Труднее всего в изготовлении и применении — талисманы Металла и Земли.

Мастер удовлетворенно кивнул.

— А какой из них обладает наибольшей сокрушительной силой?

— Талисман Металла. Ибо гром и молния — есть кара небесная, и мощь их беспредельна.

Линейка вернулась на стол.

— Верно. Садись. И пусть это будет последним разом, когда ты витаешь в облаках.

Фух, пронесло. Лу Энь сел и погрузился в учебу.

Никто не заметил белой тени, бесшумно скользнувшей прочь за дверями зала.

— Великий мастер, император ценит вашу заботу об учениках, поэтому тот человек ушел без мук.

Великий настоятель храма Инцзюэ горько усмехнулся:

— Благодарю Его Величество за милосердие... Мне бесконечно стыдно. Ученик, которого я наставлял десять лет, обезумел настолько, что ради сердца фейри поставил на кон жизни всех вокруг. Это ранит моё сердце.

— О, насколько мне известно, мастер должен быть скорее рад.

Старик вздрогнул.

— Не понимаю, о чем вы, господин.

— Сердце фейри — священный артефакт. Его сила способна сократить путь самосовершенствования на тридцать лет. Не говорите, что вы остались к нему равнодушны.

— Вы...

— Если нельзя забрать открыто, приходится действовать исподтишка, ведь вы знали, что фейри никогда не отдаст вам свое сердце добровольно.

У фейри два сердца; потеря одного лишает половины магической мощи, но через сто лет оно отрастает вновь. Своё сердце они дарят лишь избранным людям. Мяолин, талантливый ученик настоятеля, за десять лет почти сравнялся с учителем в силе. Старик испугался конкуренции. Когда он узнал, что Мяолин тайно приютил крошечную красавицу-фейри, полюбившую его, в сердце учителя вспыхнула зависть. Он пытался подобраться к существу, но та чувствовала его гнилую натуру. Несчастный Мяолин до последнего вздоха не знал, что его подставил собственный наставник. Обезумевшую от потери любимого фейри заколол серебряными иглами Бай Цзинчэнь. Теперь одно сердце хранилось во дворце, а второе было у него.

— Господин Бай, — лицо настоятеля побледнело, — следите за языком. Такие обвинения...

— Ха-ха, не стоит волноваться. Просто передайте императору карту местности долины Лингу, спрятанную под той самой картиной, и тайна останется тайной навсегда.

Настоятель окончательно потерял самообладание.

— Невероятно... Вы знали об этом с самого начала.

Карта местности долины Лингу была бесценным сокровищем для любого государства.

— Вместо того чтобы я забирал её силой, лучше поднесите её императору сами. Уверен, Его Величество будет в восторге. — Бай Цзинчэнь был безжалостен. Тайная продажа такой карты другой стране стала бы приговором для Фэйюнь.

— Император уже знает?

— Как вы сами думаете?

Бесспорно, знает. Настоятель, дрожа, кивнул:

— Я... я поднесу карту в ближайшее время. Прошу вас, господин Бай, пощадите старика.

Скрывать такую ценность — тяжкое преступление. У него не осталось иного выбора, кроме как подчиниться.

— Чудесно. Снаружи вас будут «охранять» и позже «сопроводят» во дворец. Честь имею.

Слова министра были ясны: бежать бесполезно. Старик бессильно опустился на пол, раздавленный сокрушительным поражением.

Наступил вечер. Темно-синее небо усыпали мириады звезд, две луны сияли в вышине. Дворец Фэйюнь сиял огнями, повсюду царило небывалое оживление.

Тринадцатый правитель государства Фэйюнь, император Чаошунь — Чжу Инъян, облаченный в парадное желтое одеяние с узором льва, выглядел бодро, несмотря на свои сорок с лишним лет. Его добродушный вид успешно скрывал острый и расчетливый ум.

Император восседал на троне, пока слуги с предельной осторожностью подносили вина и яства — любая оплошность могла стоить им жизни. В два ряда перед ним расположились принцы, сановники и высокопоставленные гости — послы из разных стран.

Сегодня праздновали помолвку десятой принцессы и третьего принца соседнего государства Цин. Весть об этом разлетелась два месяца назад, и почти все соседи прислали своих представителей с дарами — Фэйюнь была слишком могущественной, чтобы пренебрегать ее приглашением.

Государство Фэнтянь прислало левого министра Юань Цина. Этот мастер интриг, чей авторитет не уступал Бай Цзинчэню, умел прятать коварство за маской радушия. Две «старые лисы» сошлись в словесной дуэли, обмениваясь колкостями с таким изяществом, что со стороны это казалось беседой утонченных ученых. Присутствующие лишь обливались холодным потом, не смея вставить ни слова — атмосфера в зале была пропитана ледяной жаждой крови.

Когда «битва языков» наконец утихла, все вздохнули с облегчением — еще немного, и кто-

нибудь точно лишился бы чувств. Император Чжу Инъян со смехом разрядил обстановку, приказав подавать лучшие вина. Начались танцы и музыка. Под звуки флейт и лютень на помост вышли танцовщицы; в мелькании легких шелков и изящных движений было столько соблазна, что сердца многих мужчин в зале забились чаще.

<http://bllate.org/book/17476/1693021>